

ПРОЩАНИЕ С СОЮЗОМ

Не с двушкой затёртой и ржавой –
Прощаюсь с великой державой.

«Родопи» из куртки достану
И спичек у друга стрельну.
Оплакивать больше не стану
Пропашую эту страну.

Мы сами свободу глотали
К исходу суровой зимы.
Империю мы промотали,
Пропили Отечество мы.

Теперь ничего не исправить,
Былого назад не вернуть.
Империи – вечная память,
А нам – неприкаянный путь.

Держава отчаянных Ванек,
Как птица, расстреляна влёт.
Как будто огромный «Титаник»,
Отчизна уходит под лёд.

Советский по крови и плоти,
Я слёзы сглотнул – и молчу.
Вы этой тоски не поймёте,
А я объяснять не хочу.

* * *

Красавчик, бывший юниор,
Отличник, гордость школы –
Теперь известный сутенёр,
Хозяин местной кодлы.
К заветной цели напролом
Он шёл почти что с детства.
Комсоргом был у нас, орлом –
Хоть мог и отвертеться.

Всю правду он рубил сплеча,
Потратил уйму нервов.
Читал на память Ильича,
Переживал за негров.
Колонизаторов громил:
– Пускай не скалят зубы!..
Кричал про дружбу, братство, мир
И солидарность с Кубой.

А я на митинги не лез
И выступал не шибко.
Политиканство – тёмный лес,
Для дураков наживка.
Прошли былые времена,
И изменились песни.
И больше он не вспоминал
Героев Красной Пресни.

Без суеты и громких слов,
Без лишнего надрыва
Они нагрели нас, ослов,
И это справедливо.

* * *

Идёт попойка за попойкой.
Мелькает скучное кино.
С девчонкой, глупенькой и бойкой,
Мы пьём на лихтере вино.

Слышны команды: «Майна! Вира!»
Скрипят порталные краны.
О, сколько нас, больных и сирых,
По всем углам моей страны!

Пора и мне угомониться.
Прошли былые времена.
Как ни крути, мне нынче тридцать,
А за душою – ни хрена.

И нет ни Родины, ни флага,
А то, что есть, – ненужный хлам,
И лишь живительная фляга
Меня спасает по утрам.

Какие дали нас манили!
Какой нам грезился простор!
У нас был выбор: или–или
(Довольно, в общем-то, простой).

Теперь ни выбора, ни цели.
Холодным ветром мир продут.
И те, что чудом уцелели,
От жизни лучшего не ждут.

Я стал психованней и злее.
Мне ваш уют, как в горле кость.
Наступит утром отрезвление –
Меня привычно душит злость.

Я - сын великого народа.
Меня не спрячете. Я – ваш.
Ах, эта пьяная свобода!
Ах, этот радостный кураж!

* * *

Ритка, Рита, Маргарита
Переехала в Чуну.
Не нужна тебе Флорида
И Гавайи ни к чему.

Твой жених погиб в Афгане.
Пуля там его нашла.
Ты была тогда на грани.
Ничего. Пережила.

Помнишь, как кричала звонко,
Как включила сладкий газ?
Родила ему ребёнка.
Ходит парень в первый класс.

Успокоилась. Притихла –
Всё бывает на веку.
Лишь нередко нервным тиком
Сводит правую щеку.

Сына в школу провожаешь.
Он сопит: «Я сам дойду».
Через полчаса узнаешь –
Поседеешь на ходу:

Молодой, красивый, русский
И ещё совсем безусый
(Не понять, по чьей вине)
Младший брат погиб в Чечне.

Мать заходится от горя.
Сник отец и постарел.
Младший брат – Бориска, Боря,
В танке заживо сгорел.

«Люди мы или мишени?
Чем мой брат тебе был плох?
За какие прегрешенья
Ты семью караешь, Бог?!»

Бог десятку выбивает.
Щёлк – и нету паренька.
Ритка нынче выпивает
С мужиками у ларька.

То ли горе, то ли праздник,
То ли хохот, то ли вой.
И мальчишка-первоклассник
Плачет: «Мам, пойдём домой...»

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

И было голодно в стране,
И было холодно и сыро...
Мальчишка ходит во рваньё.
Она всё реже видит сына.

Она таблетки жадно пьёт.
Она гадает: или-или?
Она его не узнаёт.
Мальчишку будто подменили.

Пацан связался со шпаной.
Громят ларьки по околотку.
Под утро он идёт домой,
Приносит сникерсы и водку.

Он что-то буркнет ей в ответ
И спать завалится на сутки.
Ему уже пятнадцать лет.
Его подставят эти суки.

Мать все равно сойдёт с ума.
Вот и расти послушных деток.
Ему корячится тюрьма,
Колония для малолеток.

Отец давно стал алкашом –
Пусть захлебнётся ей, убогий...
Мальчишка с колеи сошёл.
Его, как волка, кормят ноги.

В колени бухнуться? Просить?
Услышать мрачное: «Иди ты...»?
Такое время на Руси –
Подростки двинулись в бандиты.

Такое время – руки грей,
Снимай навар, скупай заводы.
Подростки кормят матерей,
Сидящих дома без работы.

Кричите, кто во что горазд.
Малюйте новые иконы –
Она мальчишку не отдаст
Неумолимому закону.

* * *

Мальчишки машут кулаками, но в их глазах – тоска.
Они резонно полагают, что их пошлют в войска.

Пойдем туда, куда прикажут. О чём тут говорить?
Не мы задумывали кашу, но нам её варить.

Когда оступишься на mine – забудь былой уют.
Здесь если не располовинят – так всё равно убьют.

Война дурманит, будто зелье, отвергнутых мужей –
И ошалевших от безделья и водки сторожей.

Война пьянит авантюристов, отчаянных парней.
Им не прожить ни дня без риска – все помыслы о ней.

Война доступна для бандитов, забывших стыд и страх.
У них всё будет шито-крыто и козыри в руках.

Им всё равно пора на свалку. Им так и так – хана.
Но для юнцов (а мне их жалко) заказана война.

Они талантливые, черти. Зачем их тянут в строй?
Из них механик каждый третий и программист – второй.

Пусть в мясорубку марширует свихнувшаяся рать,
Но пусть мальчишек не шинкуют. Им рано умирать.

ГРУЗЧИК

В общем, было за что рисковать.
Самому себе срок рисовать.

Я не сразу на это купился.
Я полгода в раздумьях ходил.
Терпеливо, как будто тупице,
Объяснял мне отец-бригадир:

«Ты смотри, не отбейся от стаи.
О семье позаботься своей.
Мы, коль надо, и чёрта достанем.
Будешь локти кусать, дуралей.

Ты пойми – ну не пухнуть же детям
С голодухи в родимой стране.
Если всё же накроют – ответим.
Режь, начальник, ты на коне.

И пока всё удачно сходило...»
Я поверил тогда бригадиру.

Третий месяц не вижу зарплаты.
Не просить же опять у родни.
Мои дети-то в чём виноваты,
Что в правительстве психи одни?

Пьём в дежурке горячий чифир,
Снисходительно глядя на мир.

* * *

Короток день, и час неровен,
И жизнь подобна миражу.
У дымом пахнувших жаровен
С кривой усмешкою сижую.

С утра курнув немного «плана»,
Довольный линией судьбы,
Смотрю, как жирного барана
Ведут счастливые рабы.

Он упирается и блеет,
И, чёрный с головы до пят,
Нубиец-повар воду греет.
В конюшне лошади храпят.

Я заглянул к вам по соседству,
Не из-за трёх приплыл морей.
Мне никуда теперь не деться
От горькой Родины моей.

Привет, любимая держава,
Страна родная! Ты меня
Смиряла и в узде держала,
Как всадник – дикого коня.

Я не привык плясать под плетью.
Обида душу мне саднит.
Меня ты вспомнишь в лихолетье,
Забудешь в радостные дни.

Обида есть, а злости нету.
Я присмирел и полинял,
И неразменную монету
Давно на мелочь разменял.

Жую прожаренное мясо.
Чужое слушаю враньё.
Какими узами я связан
С тобой, Отечество моё?

Я щебечу с утра по-птичьи,
А по ночам – скулю, как пёс.
Твоё имперское величье
Мне опостылело до слёз.

Ты кровью нас и грязью мажешь.
Ты учишь нас молчать и врать.
Но если ты опять прикажешь –
Мы снова будем умирать.

* * *

Всё шло, как обычно. Глаза б не глядели.
Низы не могли, а верхи не хотели.

С утра нахлебавшись господской текилы,
Крестьяне дворян подымали на вилы.

Без злобы, а просто чтоб было потише,
В болоте топили господских детишек.

Прирезав павлинов, сжигали усадьбы.
Любили гульнуть на крестинах и свадьбах.

Всё шло, как всегда, без особых новаций.
Дворяне ничуть не желали сдаваться.

Каратели в сёла под утро входили –
Казнили, сжигали, рубили, топили.

Артисты играли привычные роли:
Зачинщиков – вешали, прочих – пороли.

Всё шло, как всегда. Залечив свои раны,
Кто выжил – снимались и шли в партизаны.

Сгущались над Родиной тёмные тучи...
А впрочем, и в Англии было не лучше.

СМУТА (1612 ГОД)

Окончено страшное действие.
Настала пора оглядеться.
Участники длительной драмы,
Сняв шапки, мы входим во храмы.

Молебен отслужим во имя
Побед над врагами своими.
Закончена страшная Смута.
Невесело нам почему-то.

И в самом-то деле – на тысячи вёрст
Одна лишь пустыня, разор и погост.
Ни градов, ни весей, ни пашен –
И лик человеческий страшен.

И только гуляет разбойничий люд,
И кровь православную весело пьют,
Покинув поганые норы,
Бандиты, жиганы да воры.

Им Смута не Смута, война – не война.
Им сладко живётся во все времена.
Вино и людская кровища –
Их самая главная пища.

От голода, холода и нищеты
Народ отупел. Мы дошли до черты,
За коей – гниенье распада.
И нечисть гниению рада.

И всё-таки так наступает предел
Людскому страданию. Народ оскудел,
Но, выжав последние силы,
Поляков изгнал из России.

Довольно хозяйничать шляхте в Кремле,
Довольно гулять по российской земле.
Всех тех, что бежать не успели,
Поглотят снега да метели.

А нам выбирать молодого царя,
Чтоб русская кровь не лилась больше зря.
А нам к ремеслу возвращаться,
С которым пришлось распрощаться.

Менялись эпохи, слетали цари,
Снаружи нас грызли, терзали внутри –
А Русь, будто Феникс из пепла,
Опять оживала и крепла.

